

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 82.09

КАТЕГОРИЯ «ПАМЯТИ ДЕТСТВА» КАК ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПОВЕСТИ А. АБУ-БАКАРА «МАМА, ЗАЖГИ СОЛНЦЕ...»

Ф. Х. Мухамедова

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

Во второй половине 1970-х и особенно в 1980-е годы XX века для дагестанской детской литературы характерно обращение писателей к «памяти детства». В данной статье на основе анализа повести Ахмедхана Абу-Бакара «Мама, зажги солнце...» показано, как эта категория использована автором для опосредованного изображения военного детства через воспоминания матери. Категория «памяти детства» раскрывается через изображение процесса становления души героев в их взаимоотношениях с миром.

In the second half of the 1970-ies and especially in the 1980-ies of the XX century the Daghestan literature for children is characterized by the appeal of the writers to "memory of childhood". In this article, on the basis of analysis of the story by Ahmedkhan Abu-Bakar "Mummy, light the sun...", it is shown how this category is used by the author for an indirect representation of the war time childhood through the memories of author's mother. Category "memory of childhood" is revealed through the description of formation process of heroes' souls in their relations with the world.

Ключевые слова: дагестанская детская проза; Ахмедхан Абу-Бакар; категория «памяти детства»; повесть; рассказ; военное время.

Keywords: Daghestan children's prose; Akhmedkhan Abu-Bakar; category of "memory of childhood"; novel; short story; war.

Практика развития дагестанской прозы для детей и юношества второй половины 1970 – 1980-х годов свидетельствует об углублении ее проблематики, об усилении в ней лирико-психологического направления. Ощущение детства как единства с миром, когда герой одновременно и песчинка в космосе и в то же время вся Вселенная, характерно для писателей, обращающихся к памяти о прошлом, к своему детству. Писатели воплощают идею о непреходящей ценности детского неискаженного восприятия мира, которая перекликается с толстовской концепцией детства как счастливой поры человеческой жизни.

Вместе с тем обращение писателей к «памяти детства», особенно в 1980-е годы, наверное, не случайно. Оно предстает как своеобразный уход писателей от современных проблем. Причем это характерно для лучших произведений, отмеченных критикой и удостоенных литературных премий. К ним относятся повести лезгинского писателя Расима Хаджи «Свирель наших гор» (1975), А. Абу-Бакара «Мама, зажги солнце...» (1983), М. Магомедова «Будь мужчиной!» (1984) (последние две удостоены премии Всероссийского конкурса «Ради жизни на земле», посвященного 40-летию Победы), повесть К. Мазаева «Виратти» (1984), отмеченная журналом «Молодая гвардия» в числе лучших публикаций года, и повесть Б. Кулунчаковой «Улица моего детства» (1986), удостоенная Республиканской премии имени С. Стальского, – все они переносят читателя в трудное военное и послевоенное время, изображенное в основном через восприятие ребенка.

«Для советских писателей “память детства” стала своеобразным рабочим инструментом мастерства, – отмечает исследователь детской литературы Е. Зубарева. – Она необходима не для созерцательного отношения к сегодняшнему детству, не для вздохов о собственном невозвратимом детстве, “золотой поре”, а как действенное оружие писателя. Поэтому она синкретична: вбирает в себя не только ретроспективную память, но и проспективную» [1, с. 109].

Не найдя «точку опоры» в современности, дагестанские писатели обращались к уже пережитому, к своему детству, пытаясь, по-видимому, нащупать, найти и отстоять в современном им мире крушащихся иллюзий те духовные ценности, которые составляют основу человека и общества. Эти повести отличает пристальное внимание к внутреннему миру ребенка, подростка, стремление к психологическому анализу чувств, переживаний героя, его отношений с окружающими. Категория «памяти детства» становится важнейшим элементом эстетической основы их построения.

Повесть А. Абу-Бакара «Мама, зажги солнце...» написана от лица матери, вдовы солдата, растившей в годы войны четверых детей и работавшей в детском доме. Она необычна по композиции: составлена из двадцати рассказов-воспоминаний о трудных военных годах, пережитых взрослыми и детьми в далеком горном ауле. Каждый рассказ имеет свою тему и свою «сверхзадачу». Но в то же время они не обособлены, так как их объединяет в первую очередь время, которое предстает не только как категория, выполняющая свои функции, то есть организующая фон, на котором происходят описываемые события. Время как бы само является главным действующим лицом. Оно пронизывает всю ткань повести, определяя поступки, мысли персонажей, их судьбы. Потому что время это военное. И хотя аул далек от военных действий, эхо войны докатилось и до него, тяготы и лишения аульчане переживали вместе со всей страной.

Некоторые рассказы объединены персонажами, а все вместе – образом рассказчицы-матери, исполненным автором с особым лиризмом. Своеобразным ключом к самой повести является обращение писателя к матери в самом начале произведения. Не в традициях горцев быть расточительными в выражении своих эмоций, но здесь автор отходит от этого правила и, освобождаясь от «груза» взрослости и порождающей его условности, не скрывает своих искренних, нежных чувств к матери, потому так светлы и трогательно проникновенны его слова, обращенные к ней. Пока жива мать, все взрослые – дети. И ей единственной подвластно то, что не дано никому: воспоминания матери хотя бы ненадолго, но возвращают человеку детство.

«Когда думаю о тебе, всегда вспоминаю свое детство и с ним сравниваю, соразмеряю свою нынешнюю жизнь. Таким прекрасным не кажется мне белый свет, как в ту пору, хотя детство наше было вовсе не безоблачным. У детства... всегда удивленные глаза, с годами, к сожалению, человек перестает удивляться; у детства особый, светлый, чистый взгляд на все, особое, чуткое и внимательное отношение ко всему. Детство – это волшебная сказка, детство – это чудо, подаренное человеку природой» [2, с. 5].

Эта концепция лежит в основе повести, поэтому и воспоминания матери о детях войны, их радостях, горестях, становлении их характеров, первых трудовых успехах окрашены в светлые тона. Хотя дети и не являются непосредственными участниками войны, все военные тяготы и лишения проходят через их души и сознание. Но не ожесточение и отчаяние зреют в их сердцах, а раннее взросление, сопереживание,

желание хотя бы маленькой толикой своего труда помочь взрослым приблизить день победы над врагом, пережив это трагическое время, когда «хлеб пахнет вкуснее, чем все цветы». Наивные и рассудительные, трогательные и плутоватые, целеустремленные и беспомощные, любознательные и нетерпеливые – дети в повести живут в своем мире, связанном с большим миром взрослых, с заботами и тревогами всей страны. Здесь надо отметить мастерство писателя в создании характеров. Каждый из этих образов, созданных писателем, своеобразен и индивидуален, отличен чертами, присутствующими именно ему. Черты эти раскрываются не только в характеристике, которая дается рассказчицей тому или иному персонажу (как раз этот прием чреват некоторой прямолинейностью). Более естественно они обнаруживаются в диалогах и поступках, где проявляется неординарность характеров, выявляется отношение к тем или иным явлениям.

Они такие разные, эти дети войны. Старший сын, впечатлительный, добрый мальчик со светлой, чистой душой – наиболее притягательный образ в повести. В Мумад, младшем сыне, удивительным образом сочетаются хитроватость с простодушием. Серьезен и обстоятелен племянник Мурад, самый младший в их компании, поражающий своей самостоятельностью и рассудительностью. Зубоскал и задира другой племянник – Хамза, прозванный Большим Носом. Настойчива в достижении своей цели – стать мастером-златокузнецом племянница Култум.

Лейтмотивом всего повествования звучит мысль о необходимости утверждения в человеческой жизни добра. Этой сентенцией проникнуты все рассказы, но особенно зримо проявляется она в рассказе «Добрый странник». Здесь автор заостряет ситуацию, ставя своих героев перед выбором: остаться чистыми перед своей совестью, протянув руку помощи умирающему от голода, или все-таки приберечь для себя кусок хлеба. Легко быть добрым, когда есть чем делиться, а если это последние кусочки хлеба, а карточки потеряны младшим сыном... Писатель не уходит от жизненной правды и не скрывает, что мать не может решиться накормить странника, так как в этом случае дети останутся утром голодными. Заставляет ее сделать этот шаг старший сын, впечатлительный и отзывчивый.

Писатель верит во всемогущую силу добра: «Добро никогда не теряется. Если вы не почувствуете тепла от содеянного вами добра, то почувствуют ваши дети или дети ваших детей – это непременно». И поэтому естествен в рассказе такой сюжетный поворот, когда совершенный семьей добрый поступок вознаграждается тем, что на завтра находятся хлебные карточки и тем, что некий кунак, обязанный жизнью их отцу, присылает им продукты.

Концепция воздаяния по заслугам, неопременного вознаграждения за добро или наказания за зло взята из глубин народного мировоззрения и народных нравственных норм жизни. Она же лежит и в основе фольклорных произведений. Библейские заповеди «не убий», «не укради», «поделись с ближним» и др., трансформированные в священном для мусульман Коране, служили той философией, которая определяла жизнь народа. Эти нравственные регламентации возрождаются А. Абу-Бакаром во многих воспоминаниях матери. Так, заповедь «не укради» звучит в рассказах «Зло рождается слепым» и «Корова».

В первом рассказе действующие лица – дети, младший сын Мумад и соседский мальчик, впервые отправившиеся ночью сторожить свое картофельное поле. Найдя «ничейное» поле, они всю ночь «работали» и украли по полмешка молодой картош-

ки, которая только начала расти. Утром с приходом матери дети признались ей в содеянном, а мать обнаружила, что это было их собственное поле.

И, несмотря на то, что утрата была огромная в это тяжелое время – к осени поле могло дать и десять мешков картофеля, мать испытала огромное чувство облегчения: семья избежала позора, запятнания имени отца. Как бы там ни было, а доброе имя, честь семьи дороже всего.

Возвращается не только добро, но и зло. Таков закон жизни – утверждает писатель.

Если здесь проступок совершают дети, еще несмышлениши, то в рассказе «Корова» речь идет уже о взрослом человеке, способном на такой низкий поступок, как воровство. Мать вспоминает об этом случае, произошедшем еще до войны, когда был жив хозяин дома. Сюжет в рассказе приобретает детективные элементы: у семьи пропала корова, подаренная им кунаком Муталибом еще теленком, она не вернулась вечером со стадом домой и появилась только утром, причем на шее у нее висел серебряный пояс, подаренный хозяином Муталибу в благодарность за теленка. Долго не могли хозяева понять, в чем дело, не решаясь признаться себе в том, что их кунак вор. Ведь это значило «осквернить себя знакомством с таким человеком» [2, с. 28].

Рассказ Муталиба, появившегося через три месяца, прояснил ситуацию: «Возвращался я пешком в свой аул... По тропе спускался в ущелье Кара-Курейш, рядом паслось стадо коров... Представляешь, одна корова побрела за мной, как привязанная. Далеко от стада отошла. Смотрю, ладная такая гладкая корова... И тут дернул меня черт: корова хорошая, никого вокруг, ты один, почему бы не угнать ее...» [2, с. 29].

А. Абу-Бакар так строит диалог двух мужчин, что в столкновении двух позиций, двух различных психологических типов выявляются характеры каждого: подловатый, воровской у одного и честный, непримиримый у другого. Муталиб хоть и понимает, что «постыдное вышло дело», тем не менее, оправдывает свое поведение: «Понимаешь, человеческая слабость...»

Но для хозяина эта «слабость» имеет однозначное название – подлость. Совершенный Муталибом поступок настолько потрясает его, что он идет против горской этики – выгоняет гостя и, сорвав со стены серебряный пояс, швыряет ему вдогонку. Последняя деталь – еще один штрих к образу горца, подчеркивающий его высокую нравственность, не позволяющую держать в доме вещь, запятнанную бесчестным поступком кунака, даже если это собственная ценная работа мастера, которой он дорожит.

В повести А. Абу-Бакара предстает аульская жизнь военной поры со всеми ее будничными и праздничными событиями, с особенностями быта, труда, мастерства людей – умельцев и художников, искусство которых известно далеко за пределами нашей страны. Отцовское ремесло издавна передавалось от поколения к поколению, но этот традиционный, налаженный ход передачи опыта, эта преемственность были нарушены войной: «...мало осталось в ауле мастеров, все калеки да инвалиды, а детей много... Не было наставников, учителей, чтоб обучать детей ювелирному делу» [2, с. 100]. В овладении навыками златокузнечного искусства часто детям приходилось идти своим путем. Мумада, младшего сына, матери удалось пристроить к дальнему родственнику Мазгару, чтобы он научил его азам ювелирного дела.

Об этом повествуется в рассказе «Волшебный резец». Конечно, семилетнему мальчишке, к тому же непоседе, на первых порах невыносимо трудно окунуться в рабочую атмосферу, требующую от него собранности, внимательности, почтительного отношения к мастеру и делу. К тому же мастер, хоть и добрый, на вид угрюм и малоразговорчив, не выносит пустозвонства. Привод матью к нему Мумада сопровождается диалогом наставника с мальчиком, который мастерски передает атмосферу первоначального притирания характеров ученика, отвыкшего от отцовского воспитания, и сурового учителя, не терпящего пустой болтовни. Психологически верно передано состояние мальчика, буквально ошалевшего от обилия инструментов в мастерской: «...резцы и молоточки, плоскогубцы и напильники, горн и меха, наковальни и самодельная дрель. При виде всего этого у сынишки глаза забегали. Дедушка Мазгар приподнял очки на лоб и посмотрел на Мумада, поставив рядом низенькую табуретку, положил на нее подушечку и предложил сесть.

- Ничего не трогай, – сказал мастер.
- А что, нельзя?
- Пока нельзя. Ты будешь наблюдать, как я буду работать.
- И долго мне смотреть?
- И первая к тебе просьба: меньше задавай вопросов, больше старайся сам находить ответы. Пустомели много говорят, а дело не делают.
- Как я могу сделать дело, если ты не разрешаешь мне ничего трогать?
- Вот что мы сделаем, – сказал мастер. Он поднялся, раздул меха, в горне запылился огонь, мастер взял длинные щипцы и сунул их в огонь.
- Что мы сделаем?
- Немного укоротим твой язык, а то он не даст мне работать.
- Не надо, не надо... – вскочил Мумад. – Мама, уведи меня отсюда...
- А ты еще здесь? – обернулся ко мне Мазгар. – Ты иди, иди, мы, мужчины, сами разберемся...» [2, с. 57].

Но когда старик видит, что с щипцами «перегнул палку», то признается, что пошутил. В результате же абсолютно, казалось бы, непедагогического приема поведение мальчика становится сдержаннее.

Достоверность ситуации, типичной для мастерового люда, психологическая выверенность «обычного» поведения героев, значимость, на первый взгляд, чисто бытовой детали, эмоциональная сдержанность учителя и некоторая легковесность ученика – все это создает живую картину из жизни кубачинцев, воспроизводит процесс приобщения детей к взрослому делу, раскрывает таинство овладения мастерством. Но у детства свои представления о труде. Вот и Мумаду, наблюдающему за работой дедушки Мазгара, кажется, что и учиться-то гравировке необязательно, был бы только у него такой же волшебный резец, как у мастера. И он забирает потихоньку его, оставив вместо него свой резец. Но и тот, несмотря на волшебство, проявленное в руках мастера, несколько раз вонзился в руку Мумада. Осознав обычность резца, Мумад с повинной возвращается к дедушке. Нелегко идет овладение мастерством, но какое счастье испытывает малыш, когда у него что-то начинает получаться.

Труд и только труд приносит с собой мастерство и умение, радость и удовлетворение, уважение среди людей, да и средства к существованию. Об этом рассказы «Волшебная шкатулка», «Медальон из серебра с цепочкой», «Медные сережки».

В рассказе «Волшебная шкатулка» писатель показывает становление личности в Култум, маленькой, хрупкой девочке, у которой на войне погиб отец. Но горе не сломило ее. Она сумела перебороть робость перед считавшейся мужской профессией златокузнеца, пойти против традиции и продолжить дело отца, чтобы заработать на жизнь. Все это девочка делала втайне, работая вечерами в заброшенной усыпальнице шейха, куда и мальчишки-то боялись заглядывать в это время. Необычность выбора героя, то есть героини, сообщение сюжету романтической окраски подчинено в рассказе главному: изображению процесса пробуждения творческого начала в растущем человеке, наследовании таких традиционных черт, как целеустремленность, трудолюбие, упорство, свойственных людям, занятым сложным искусством златокузнецов.

Эти черты унаследованы и тремя неразлучными друзьями из рассказа «Медальон из серебра с цепочкой». Желая подарить украшение любимой учительнице на день рождения, они решили сами изготовить его. Маленьким мастерам немало пришлось помучиться, прежде чем удалось смастерить медальон. Каково же было их ликование, когда Анастасия Сергеевна пришла в школу с медальоном на шее.

Анастасия Сергеевна, Сергей Алексеевич, учитель-кубачинец, преподающий рисование, – это Учителя с большой буквы. Мать о них так говорит: «Учителя тогда были особенные, обязательные, такие необходимые, добрые и по-государственному заботливые... Правда и сейчас ощущается эта ответственность, но то ли учителей стало много, то ли...» [2, с. 67].

Анастасия Сергеевна и Сергей Алексеевич – русские учителя, приехавшие издалека, настоящие интеллигентные люди, умеющие уважать достоинство и обычаи народа, среди которого они живут. Сергей Алексеевич, например, выучит даргинский язык, чтобы разговаривать с родителями своих учеников. Он же с другом – учителем из соседнего селения ходил на охоту на кабанов, но никому об этом не говорил, «потому что даже в самые голодные годы горцы не ели свинину» [2, с. 66]. Поэтому и их любят и уважают. Анастасию Сергеевну ласково называют Асият, а Сергею Алексеевичу женщины связали девятнадцать пар шерстяных носков и каждое утро наполняли ему водой кувшин, так как в горах не положено, чтобы мужчина ходил за водой.

Школа в повести Абу-Бакара живет единой жизнью с народом, его культурой. Поэтому знания, которые она дает, идут к людям. То, что рассказывал учитель на уроке русской литературы, «переходя из уст в уста, становились сказкой. Помню, женщины у родника, старики на годекане пересказывали сказку о благородном Дубровском и о злодее, который на учителя медведя натравил» [2, с. 65].

В повести школа несет на себе отражение тех отношений, которые царят в джамаате аула, да и вообще в горах. Традиционная почтительность перед наставником, характерная в среде златокузнецов, основывается на пиетете перед человеком, обладающим и несущим знание, умение, мастерство, то есть профессионалом. Но и наставник с учеником общается без высокомерия, окриков, грубого слова. Поэтому деликатность тут взаимная, и в подростке она воспитывает прежде всего чувство собственного достоинства.

Таковы же отношения и в школе между учителями и учениками, естественные и доброжелательные. Особенно хорошо это показано автором в описании урока рисования в рассказе «Волшебная шкатулка». Вызвав к доске Култум, учитель дает ей задание нарисовать один из кубачинских узоров. И когда она блестяще справляется с заданием, нарисовав самый сложный узор, да еще и вплетя в него зайчонка с морковкой, он реагирует на это уважительно и серьезно:

«– Да!.. – многозначительно сказал учитель. – Ну, садись, Култум. Спасибо... – И, уже обращаясь к классу, добавил: – Вот вам и задание. К следующему уроку пусть каждый из вас попробует нарисовать “мархарай”. Можете и зайца вплести. – Это было наивысшей похвалой» [2, с. 39].

Таким образом, сдержанно, но в полной мере учитель выразил Култум свою благодарность, не противопоставив ее классу, а похвалив умно и тактично.

Дети в повести изображаются писателем не только в постоянных заботах и школьных делах. Дети остаются детьми даже в суровые военные годы. Они любят собираться у дедушки Галбеца, чтобы послушать его рассказы и отгадать загадки, выхаживают козленка, поломавшего ноги, скрывают жеребенка, чтобы его не забрали власти по причине какой-то болезни, уничтожившей у соседей целый табун лошадей. А когда приходит долгожданный День Победы, то наедаются так, что даже не могут участвовать в праздничной борьбе. Но и здесь находят выход из положения: один из них поддается, а денежный приз делят пополам.

День Победы описан автором как самый великий аульский праздник, праздник единения: «Много было в этот день и радости и слез. Наконец все люди аула запели песню славы “Слава нам, смерть врагу!”. Многоголосому торжественному хору эхом вторили и горы, и скалы, и камни домов. Могучая песня отзывалась в каждом сердце великой радостью победы и великой горечью утрат.

Допоздна не расходились люди, не могли и не хотели расставаться. Всем вместе было так свободно и легко. Никто не скрывал самых сокровенных чувств...» [2, с. 110].

Художественным достоинством повести предстает своеобразие стиля. Построенная в форме непосредственной импровизации повесть связана с современностью. В рассказы-воспоминания матери иногда вплетаются элементы беседы с сыном и его сверстниками, и эти лирические отступления от основной линии повествования углубляют течение мысли, придают тот или иной оттенок сообщаемому, отражают нынешние проблемы. И главной мыслью матери (читай – автора), которую она хочет донести до слушателей, предстает тот вывод, к которому она пришла в итоге своего жизненного пути: альтернативы добру нет и быть не может. «Из всей жизни, дети мои, я извлекла одну мудрость – человек должен делать добро, только добро» [2, с. 7].

Выдающийся педагог Шалва Амонашвили на вопрос, какие человеческие качества должны быть присущи той личности, которую вы хотите воспитать, ответил: «Мы часто говорим о нравственном воспитании, но давайте задумаемся, на что эта нравственность опирается?.. Мне представляется так: главной опорой для нравственности может быть только любовь к труду и доброта. Лишь с их помощью можно строить высокое здание человечности: отзывчивость, сочувствие к ближнему, способность к самопожертвованию, справедливость, чувство долга» [3, с. 4].

Именно эти качества – любовь к труду и доброта – рассматриваются в повести А. Абу-Бакара как главные, определяющие уровень нравственности человека, закладываемые с малых лет. Категория же «памяти детства» позволила автору высветить проблемы воспитания нравственности на художественном материале, изображающем национальную жизнь горцев в трудное время военного лихолетья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зубарева Е.* Несущие тягу земную. М.: Дет. лит., 1980. 192 с.
2. *Абу-Бакар А.* Мама, зажги солнце...: повесть / пер. с дарг. автора. М.: Дет. лит., 1985. 111 с.
3. *Амонашвили Ш.* Какая нам нужна педагогика? // Детская литература. 1989. № 7. С. 2–4.

Поступила в редакцию 06.09.2016 г.

Принята к печати 30.09.2016 г.